

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Авторские размышления

К выходу книги:
М. Энафф. Дар философов. –
М.: Издательство гуманитарной литературы, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

М. ЭНАФФ

Я считаю подлинной удачей и особой привилегией то, что мой труд «Дар философов» переведен на русский язык. И это, прежде всего, потому, что я знаю: в России существует долгая и исключительная традиция чтения и интеллектуальных обсуждений – открытых и требовательных. Мне уже повезло: две мои книги вышли в русском переводе: одна, посвященная Маркизу де Саду, другая – К. Леви-Стросу¹. Конечно же, читатели зададутся вопросом о том, какая может быть связь между двумя этими трудами и «Даром философов». Я должен объяснить с ними. Разнообразие тем ни в коей мере не свидетельствует об их разнородности. Между всеми тремя произведениями существует глубокая преемственность. Но чтобы показать ее, мне необходимо поведать еще об одной книге, пока не переведенной на русский язык и вышедшей десятью годами ранее «Дара философов». Эта книга имеет такое название: «Цена истины. Дар, деньги, философия» (*Le Prix de la vérité. Le don, l'argent, la philosophie.* – Paris: Seuil, 2002). Будучи переведенной на английский, немецкий, итальянский языки, она вызвала широкое обсуждение как во Франции, так и в других странах. Новая книга, «Дар философов» родилась в результате дискуссий вокруг «Цены истины» и требований ее разъяснения. Последние касались необходимости более четкого различения специфических форм дара, типов взаимности, роли третьего (личного или безличного) в отношении между индивидами и группами (см. Суждения I, II, III в книге «Дар философов»). Кроме того, эти дебаты заставили меня тщательно проанализировать то, как современные авторы, прежде всего во Франции, высказываются по вопросу о даре; среди них такие философы, как Деррида, Левинас, Рикёр, а также

¹ См.: Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2005; Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2010 (Прим. перев.).

Марион, Лефор, Декомб. Я все более и более ясно понимал, что их исследования, касающиеся дара, не затрагивали существа дела, но вместе с тем негласно требовали переформулирования связи между философией и социальным знанием, которая стала весьма сложной. Мне надо будет еще раз вернуться к этому более чем очевидному родственному отношению между двумя отмеченными трудами, главным образом посвященными вопросу о даре. Однако, прежде всего, я должен объяснить их связь с двумя первыми работами, опубликованными на русском языке, — о Маркизе де Саде и Леви-Стросе.

Чтобы внести здесь ясность, мне необходимо вернуться к основополагающему вопросу, вставшему передо мной, прежде чем я занялся философскими исследованиями, вопросу, который, конечно же, подспудно, заставил меня обратиться к такого рода исследованиям. Меня интересовало следующее: что связывает одно человеческое существо с другим человеческим существом? Откуда берется само желание установить такую связь? Каким образом сосредоточенное в себе существо, каким является каждый из нас, может принять другого, жаждать его присутствия, его уважения? Благодаря каким мыслительным или аффективным процессам, каким средствам коммуникации или объединения, каким институтам? Почему все это может сохраняться во времени и обновляться? Что позволяет нам жить вместе и образовывать сообщества, политические объединения, нации? Эти вопросы, по-моему, не могут быть просто психологическими или социологическими. Они, я думаю, восходят к онтологическим структурам отношения, свойственного роду человеческому. Такие структуры я позже назову символическими. Но это еще не все: вопросы о возможности связи и образовании сообщества, по-моему, изначально были неотделимы от вопросов о том, что делало эту связь непрочной и порой трагическим образом отвергало ее: это вопросы о жестокости, об установлении господства, об унижении, об отказе в помощи, о социальном неравенстве и, что еще хуже, об эксплуатации, о рабстве. Для меня важно было не столько проследить историю несправедливого человечества, сколько понять, каким образом оно может быть несправедливым и — жестоким. Мне необходимо было подняться выше истории и именно там разглядеть ее возможность. Именно это наряду с философскими размышлениями толкнуло меня заняться антропологией, что я и реализовал в Западной Африке — в Кот д'Ивуаре, в течение двух лет совмещая полевые и теоретические исследования.

Этот опыт должен был стать решающим по многим причинам: первая из них — уверенность в том, что человеческое мышление начинается не с философии и понятия, а с того, что множественными способами выражает себя в продуктах культуры, в произведениях искусства, а также в формах обыденной жизни, в системах родства, организации жизненного пространства, в народных сказаниях и различных институтах публичной жизни. Вторая причина вытекала из первой: философия, развивающаяся

на Западе, сколь бы восхитительной она ни выглядела, выступала всего лишь одной из традиций наряду с другими: ее главным достоинством было (и остается до сих пор) то, что она сумела определить логические формы человеческого разума. Однако эти формы — в противоположность какому бы то ни было релятивизму — можно наблюдать в любой культуре. Наконец, опыт социальной жизни в Африке открыл мне такое явление, которое существует и в нынешней Европе, но предстает бесконечно более живым и интенсивным в традиционных обществах — *гостеприимство*, т.е. отношение к другому как отношению дара и требование взаимности. Речь, в первую очередь, идет не о милосердном даре (зачастую вытекающем из благосклонности), а о крепкой связи, которая смогла родиться в жесте предложения, имеющем целью восславление встречи и потребность ответить соответствующим жестом.

Вот, как мне казалось, подлинные вопросы, стоящие перед философией. Так что надо было по-иному прочитать труды мыслителей, которые затрагивали эти вопросы: Аристотеля, Гоббса, Руссо, Канта, Гегеля, Маркса. Первым подвергся моему испытанию Руссо: мысль о связи как сопереживании (сострадании) и мысль об общественном договоре, необходимом для построения совместной жизни. Человек рождается добрым, говорит он нам, но именно общество делает его злым. Такое видение вскоре покажется мне слишком оптимистичным. Зло в истории не случайно. Следовало посмотреть ему в лицо: рядом с ним надо было поставить насилие, разрушение, отвержение другого. Руссо надо было противопоставить работу самого что ни на есть противоположного толка: работу Маркиза де Сада. Надо было пройти сквозь ад человеческих отношений, описанных в его невыносимом труде, апогее эпохи Просвещения. Ведь парадокс, даже, скорее, скандальность мышления Сада являет собой, прежде всего, тот факт, что сила разума может быть поставлена на службу разрушению всего человеческого порядка. Хуже того: возможно, разрушение было следствием избытка рациональности. Этот кризис — кризис Современности: это — извращенный результат виртуально безграничного развития техники. Но еще более впечатляющим было другое. Сексуальные извращения и антирелигиозные выпады у Сада — не самое существенное. Главное в его творчестве — это то, что разрушается сама возможность взаимности и признания людьми друг друга. Центр этого разрушения, его движущая сила — отрицание запрета инцеста. Сад был справедлив. Ведь на самом деле, если следовать ярким, ставшим классическими демонстрациям Клода Леви-Строса в труде «Элементарные структуры родства», этот запрет является тем, что привело к созданию собственно человеческого общества. Его функция изначально была позитивной: обязать любую группу единокровных родственников выйти за свои пределы, исключить супружеский союз с дочерью или сестрой и тем самым обеспечить продолжение жизни, принуждая всю группу к союзу с другой группой. Однако это обязательство искать супругу на другой

стороне было возможно лишь при одном простом и всеобщем условии: оно должно быть взаимным.

Таким образом, человеческие общества рождаются вместе с требованием обоюдного признания, т.е. благодаря союзу, в соответствии с которым каждая группа дает другой группе и получает от нее существо, через которое претворяется сама жизнь: *супругу*, которая, как говорит Леви-Строс, конституирует «дар как таковой». Речь идет не о милосердном, или беспричинном даре: взаимный дар есть договор. Это — основополагающий договор, делающий так, что для нас, человеческих существ, тождественное держится только благодаря посредничеству другого. Идентичность предполагает различие. Для нас, человеческих существ, сама биологическая жизнь никогда не бывает непосредственной: она всегда производится при условии существования инаковости.

Вот таким образом исследование о Саде подтолкнуло меня к изучению Леви-Строса. Надо было идти дальше, и новое исследование стало попыткой развития «Цены истины». В матримониальном союзе — экзогамном требовании — мы выявили тот факт, что любая человеческая группа предполагает неявное соглашение, договор о признании между «я» и другим, между Мы и Они. Отныне, с рождением государств, публичное признание гарантируется всем с помощью закона. Вместе с тем наблюдается умножение полезных обменов и увеличение благ, которые имеют отношение не к формированию общностных связей, а к достижению богатств. Эти богатства повсюду становятся средствами господства. Можно даже подумать, что торговля идет следом за отношениями дара; это — ложное предположение, поскольку два типа обменов существуют параллельно, а не в исторической последовательности. Надо было переосмыслить проблему торгового обмена, прибыли, богатства, понять сразу ее легитимную функцию, и неприемлемую претензию на то, чтобы стать целостным проектом общества. Конечно, хорошо все то, что было произведено в западном обществе с момента возникновения и показательного усиления капиталистического рынка. Сегодня опасностью становится не только превращение всех благ в товары, но и то, что основополагающее отношение людей — отношение взаимного признания — стремится стать второстепенным и изменчивым в механизме власти. Этот ключевой вопрос я пытаюсь сформулировать и развить в «Цене истины», показывая, каким образом конфликт денег и философии у Платона и Аристотеля возвещает об этом кризисе. Отсюда возникла необходимость вернуться к основополагающим процедурам любого общества, каковыми являются процедуры церемониального дара (квинтэссенцией которого выступает экзогамный союз), и показать, каким образом сквозь эти символические обмены между людьми, а затем в тех обменах, которые с момента одомашнивания растений и животных путем жертвоприношения осуществлялись с божествами, а также в космологиях долга и теологиях милости наше человечество не переставало осмыслять себя родившимся

от взаимного признания. Иначе говоря, могущество ничего не стоит без уважения, богатство — ничто без достоинства, господство без справедливости заслуживает презрения.

В «Даре философов» эти выводы развиваются путем возвращения к основополагающим понятиям церемониального дара, взаимности и посредничеству третьего. При обращении к названным выше авторам неизменно и упорно ставится такой вопрос: как такая связь соединяет людей и что может сказать нам философия о том, что лежит в ее основе? Философы, чтобы отвергнуть здесь какую бы то ни было близость к торговым обменам, считают необходимым со всей силой утверждать, что эта связь должна быть самоотверженной, односторонней и безоговорочной — в итоге идентичной божественному жесту. В книге показывается иное: любое отношение к другому включает право последнего на ответ; отношение Я — Ты не является обратимой эквивалентностью, а обнаруживает чередующуюся асимметрию, которой человечество дает ход не тогда, когда один решает подарить, а тогда, когда тот, кто получает, становится одновременно тем, кто дарит, и то, что находится между ними — даруемая вещь, — остается тем, что полагается совместно (именно это буквально и означает слово «символ») и свидетельствует *перед другими* о том, что каждый вышел за пределы своего «я» и рискнул устремиться к другому, что договор состоялся и что эта публично утвержденная связь пройдет сквозь время.

Я благодарю Издательство гуманитарной литературы, решившее принять мою книгу в свою коллекцию. Особенно я благодарю трех переводчиц: Ирену Вдовину, Галину Вдовину и Людмилу Комиссарову, — коллективно выполнивших требующую больших усилий работу.

Перевод с французского И.С. Вдовиной